

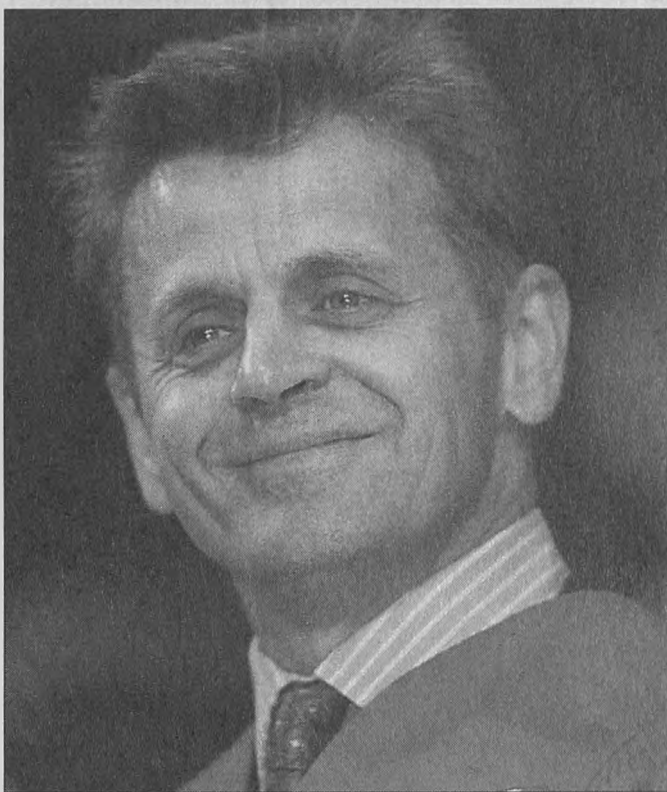
Метаморфозы Михаила Барышникова

Последний международный каннский фестиваль танца открывался выступлением Михаила Барышникова с его мини-труппой White Oak Dance Project. В сопровождении пяти балерин великий танцор исполнил 6 новых небольших балетов в двух программах и выступил с 20-минутным соло на японские мотивы, поставленным для него актером «Кабуки» Тамасабуро Бандо. Как ни странно, во Франции, да и вообще на Старом континенте, Барышников, которому 27 января исполнится 52 года, появляется не слишком часто. Его постмодернистские постановки не находят широкого успеха у зрителей и иной раз вызывают иронические оценки у критиков, недоумевающих по поводу того, что одна из величайших звезд классического танца сегодня выступает в роли авангардного мэтра. В свое время столь крутой поворот в творческой карьере звезды удивил многих. Едва ли это нормальная траектория, соглашается сам Барышников, но разве я отношусь к числу людей нормальных?

Братец Иванушка

В 1974 году Барышников стал вторым после Рудольфа Нуреева величайшим советским танцовщиком, оставшимся на Западе. И тот, и другой танцевали в Театре оперы и балета им. Кирова все ведущие партии. Оба вышли за чисто танцевальные рамки, не без успеха снимались в кино, выступали на театральных подмостках. Барышников не любит говорить о том, почему во время гастролей в Канаде он решил не возвращаться домой. Однажды он рассказывал, что в Торонто, у раскрытого гостиничного окна, на него вдруг снизошло «откровение». Правда, папарашки утверждали, что его ждала в Торонто невеста Кристина Берлин, дочь управляющего газетной империей Херста. Он повторял, что «выбрал свободу» по причинам сугубо артистическим. Мише казалось, что в его жизни все происходит слишком медленно: он танцевал раз в неделю, а новый балет ставился раз в год. Его педагог Александр Пушкин, который также воспитал Нуреева, умер. С отцом отношения не сложились. Наверняка были и другие причины — те, о которых сказала балерина Наталия Макарова, вскоре последовавшая примеру Барышникова: «В России страх быстро учит тебя молчать — даже если и бояться вроде бы нечего... Мы жили под колпаком, и у меня было такое ощущение, что за мной наблюдает вся Россия. Я чувствовала ее огромные глаза».

Барышников родился в Риге в русской семье. Отец был военным и убежденным коммунистом. Мать умерла, когда Мише было всего 10 лет. В 15 он поехал учиться в ленинградскую балетную школу, а в 18 — завоевал главный приз на конкурсе

в Варне. Для лауреата сразу распахнулись двери Кировского, на сцене которого он станцевал весь его репертуар — «Жизель», «Сильфиду», «Дон Кихот», «Шопениану». Впереди была широкая дорога к светлому будущему с почетными званиями, орденами и наградами, загрангастролями и т.д. Оставшись на Западе, Барышников пошел на огромный творческий риск. Америка, скажет он впоследствии, — это замечательное и жестокое место, где все надо решать самому. Если в молодые годы в облике Миши было что-то пасторально-есенинское, он напомнил героев русских сказок, какого-нибудь братца Иванушку, то с годами в его характере появились сила и твердость, которые он приобрел, преодолев за океанские огонь, воду и медные трубы.

Эдип и Германи

Если в России Барышникову приходилось танцевать раз в неделю, то в Америке и в Европе — каждый день. Он выступал в удивительных спектаклях американки Марты Грэхэм, и в частности блестяще исполнил партию Эдипа в ее балете «Ночь приключений». Француз Ролан Пети ставил для него «Пиковую даму», в которой он танцевал Германиа. На сцене парижской Оперы Барышников выступал в «Баядерке», «Дон Кихоте», «Жизели». В последней ему предложил станцевать — но всего один раз — Рудольф Нуреев, тогда возглавлявший парижскую Оперу. Он не без ревности следил за стремительной карьерой Барышникова, который был моложе его на 10 лет —

целую вечность в балете. «После меня из попавших на Запад русских, — говорил Рудольф автору этих строк, — только Барышников стремился чему-то научиться, тогда как другие, включая Александра Годунова, довольствовались старым багажом».

В течение десятилетия Михаил возглавлял Американский балетный театр (АБТ), отказавшись от директорского жалования в 400 тысяч долларов ежегодно. Правда, ему щедро платили за постановки и выступления. Его спектакли обычно вызывали противоположные оценки. Случались и провалы. Как бы то ни было, «Ньюсуик» с признательностью писала, что благодаря таким звездам, как Барышников, Америка, подарившая миру величайших боксеров и баскетболистов, становится супердержавой и в области балета.

Среди поклонников великого российского танцора была и чета Рейганов. Тогдашний президент в одном из московских спичей заявил: «Мы в Соединенных Штатах аплодируем новой оттепели в искусстве. Мы видели в Вашингтоне выступления Миши Барышникова и Славы Ростроповича и надеемся увидеть их выступления и в Москве». Ростроповича мы, к счастью, увидели, а Барышникова — нет. Он не поехал, несмотря на то, что его приглашал Большой театр. Однако на свою историческую родину, в Ригу, Барышников с двумя старшими детьми все-таки съездил, чтобы поклониться могиле матери. Тогда же Миша станцевал и на сцене рижского Оперного театра, где он когда-то делал свои первые па.

Российский Казанова

В Америке Барышников быстро завоевал репутацию русского Казановы, лихо покорявшего женские сердца, и был известен в артистических кругах своими кутежами. Несколько лет его спутницей была известная актриса Джессика Ланг, которая родила ему дочь Александру и сына Пэтра. Видимо, не без ее влияния Миша снялся в ряде разных по жанру и по качеству кинолент. Он мучительно переживал разрыв с Джессикой, которая ушла от него к актеру и писателю Сэму Шепарду. Вторая жена Барышникова — бывшая танцовщица Американского балетного театра. Во втором браке у него родились мальчик и две девочки. Пробовал Барышников свои силы и в театре — сыграл в пьесе «Метаморфозы» в постановке Романа Полански. За океаном у него неожиданно обнаружилась и коммерческая жилка. В бутиках появились туалетная вода, духи, одежда, носящие его имя.

Через год после ухода из АБТ Миша создал свою труппу White Oak Dance Project при поддержке мецената и пресс-магната Ховарда Джилмена, который на территории своего огромного парка White Oak — «Белый дуб» — выстроил студию для его труппы. Труппа не получает никаких субсидий, находится на «хозрасчете», но зарплату у танцоров едва ли не самые высокие в Соединенных Штатах. Каждый год она дает около сотни спектаклей, и время от времени Барышников устраивает серию сольных концертов.

Дружба с Бродским

Из американского далека он продолжает отстраненно следить за тем, что происходит в России, с которой теперь, похоже, его больше ничего не связывает.

Лучшим и, быть может, единственным русским другом Барышникова в Америке был Иосиф Бродский, который щедро одаривал его своими стихами: «Как славно вечеру, вдали Всея Руси, Барышникова зреть. Талант его не стерся!». Бродский, с которыми они были знакомы еще по Ленинграду, говорил, что Барышников испытывает ностальгию, но только по русскому искусству. Останься Миша в России, заменил однажды Бродский, его могла бы погубить бутылка. По мнению поэта, Барышников остался русским не в большей степени, чем, скажем, Моцарт был австрийцем. «Я думаю, что Моцарт был таким же, как и Миша, — от мечал поэт. — Да и они появились на свет в один день... Я никогда в жизни не встречал человека, в котором бы так, как в Мише, сочетались легкость и трагизм».